

Этот жест заставил Линь Цзытао помрачнеть. Глядя на своего внешне безупречного сына, он, собственно, очень хотел что-то сказать, но, к сожалению, они с сыном словно были рождены под разными звёздами: кроме ссор, у них почти не было общения. Теперь Линь И даже не ссорился с ним. Выгнав Линь И, он действительно пожалел об этом. Тогда, на своей свадьбе, Линь И разразился гневом, и он, опасаясь, что сын скажёт что-то непоправимое, приказал ему убираться. Это была лишь фраза, сказанная в сердцах, но он не ожидал, что этот неблагодарный сын окажется таким упрямым и уйдёт, не оглядываясь.

К тому же вчера Линь И говорил с ним так, что Линь Цзытао, естественно, не мог смотреть на сына с добротой. Не тратя времени на пустые разговоры, он холодно спросил:

— Когда ты познакомился с господином Фан?

Линь И сделал вид, что не слышит, и, взяв платок, тщательно вытер надгробие. На фотографии женщина с уложенными волосами, узкими глазами, изогнутыми, как полумесяц, и изящным лицом с лёгкой улыбкой на губах выглядела по-прежнему прекрасно.

— Ребёнок, между отцом и сыном не бывает вражды, переходящей через ночь. Твой отец все эти годы сильно скучал по тебе, а ты даже не позвонил. Он действительно беспокоился о тебе. Послушай, сейчас поедem с отцом домой.

Лю Ваньцзюнь говорила, не упоминая себя, всегда становясь на позицию Линь Цзытао, что заставило Линь И покачать головой. Он посмотрел на отца и спросил:

— Ты думаешь, моя мама хотела бы видеть вас? Или вы считаете, что так можете искупить свою вину? Может, это для прессы? Или, может, у вас с семьёй И появились деловые связи, и дедушка, вспомнив старые чувства, решил сделать вам одолжение?

— Линь И, как ты разговариваешь?!

Услышав дерзкие слова сына, который даже не назвал его отцом, Линь Цзытао снова, как раньше, начал его отчитывать.

Линь И встал и холодно посмотрел на Линь Цзытао.

— Как умерла моя мама, дедушка и бабушка не знают. Я боялся, что они не вынесут этого, и не сказал им. Тебе все эти годы было спокойно? А ты, Лю Ваньцзюнь, всего лишь актриса, без имени и статуса почти двадцать лет. Тебе, должно быть, было нелегко. У каждого из вас на руках кровь моей мамы. Она была такой гордой, вам, наверное, без статуи Будды не удаётся заснуть ночью?

Линь И говорил с лёгкой улыбкой, голос был ровным, без эмоций, но каждое слово било прямо в сердце.

— Лю Ваньцзюнь, ты выбросила все вещи моей мамы? А мужчину, которого использовала моя мама, почему не выбросила?

Лицо Лю Ваньцзюнь побелело, а Линь Цзытао взорвался от гнева.

— Этот неблагодарный сын! Какие слова ты говоришь!

Линь Сяожань, которая с детства не любила Линь И, всегда была импульсивной и несдержанной. Лю Ваньцзюнь, занятая воспитанием сына, естественно, игнорировала дочь,

поэтому Линь Сяожань выросла вспыльчивой и говорила всё, что думала. Лю Ваньцзюнь объясняла Линь Цзытао, что дочь просто добрая и искренняя, с чистым сердцем.

— Линь И, как ты разговариваешь с родителями? Все эти годы учился зря?

Линь Сяожань, внешне милая, но с острым языком, высказалась, и лицо Лю Ваньцзюнь сразу изменилось.

— Сяожань, извинись перед братом!

Линь Цзытао давал деньги на учёбу и жизнь Линь И, но Лю Ваньцзюнь, чтобы поссорить их, удерживала их, и они никогда не доходили до Линь И. Если бы это вышло наружу, ей пришлось бы приложить много усилий, чтобы успокоить Линь Цзытао.

— Зачем мне извиняться? Это он неправ. Он мне не брат! Сколько денег потрачено на его учёбу, а он чему научился? Фу!

Линь Сяожань всегда была недовольна. Каждый раз, когда мама переводила деньги Линь И, она это видела. Почему столько денег человеку, который четыре года не появляется дома? Престижный университет — это что-то особое? Всего лишь выброшенный на улицу неудачник. Она тоже родная дочь отца, а этот, потерявший мать, позорит их перед всеми. Почему он не умер вместе с матерью?

Линь И посмотрел на часы, игнорируя их лай, как собачий. В этот момент он вдруг подумал, что лай Пипи не такой уж противный, но цель завести ещё одну собаку оставалась неизменной.

— Вам, наверное, пора уходить? Что бы я ни учил, это не имеет к вам ни малейшего отношения, потому что за эти четыре года я не потратил ни копейки ваших денег. Господин Линь, вам стоит проверить, куда ушли эти деньги. Я лично приду в дом Линь, чтобы забрать вещи моей мамы, и попрошу вас подписать соглашение о разводе. Даже на небесах она будет рада, получив его. Здесь вам не рады, прошу!

Линь Цзытао бросил взгляд на Линь Сяожань, заставив её замолчать. Его лицо было мрачным как туча, он понимал, что трещина между ним и сыном становится всё больше. Он верил, что Линь И не станет врать в этом вопросе, ведь проверить это было легко. Он не ожидал, что женщина рядом с ним окажется такой глупой, чтобы вмешиваться в жизнь Линь И. Если бы Линь И получал его деньги после ухода, возможно, он не был бы так враждебно настроен.

Была ли Лю Ваньцзюнь слишком смелой, или он слишком ей доверял?

Линь Цзытао злился не из-за того, что Линь И остался без денег — эти суммы его не волновали. Он злился, что женщина рядом с ним осмелилась перечить ему. Что касается соглашения о разводе, это казалось ему абсурдом — человек умер, о каком разводе речь?

Увидев, что Линь И не хочет с ним разговаривать, Линь Цзытао тоже не стал настаивать, холодно сказав:

— Ладно, когда у меня будет время, я свяжусь с тобой через ассистента, и мы поговорим.

Закончил «приказ», он развернулся и ушёл. Лю Ваньцзюнь, бледная, потянула за собой Линь Сяожань, которая не понимала, что происходит. Образ доброй и терпеливой жены, который она так долго поддерживала, был разрушен её же глупой дочерью. Лю Ваньцзюнь готова была задушить её — как она могла родить такую дуру!

Линь И, продолжая вытирать надгробие, не поднимая головы, сказал:

— Передайте Линь Тайчжи, что пока я жив, он останется незаконнорожденным. Дом Линь мне не нужен, я отдаю ему, потому что он мне неинтересен. Я буду действовать с позиции семьи И и заберу всё. В конце концов, мама должна закрыть глаза спокойно, не так ли?

Линь Цзытао мрачно посмотрел на Линь И, видя, как тот большим пальцем протирает фотографию на надгробии, улыбаясь с нежностью. В профиль, с приподнятым уголком глаза, он выглядел так, как его покойная жена. Сердце Линь Цзытао сжалось, будто его сдавили, и злость поднялась внутри. Он громко фыркнул и ушёл.

Линь И, продолжая вытирать фотографию, сказал себе:

— Мама, ты всегда такая красивая. Знаешь, таких мужлан, как он, надо было просто гнать. Разве трудно найти другого?

Закончив, Линь И сел на землю. Линь Цзытао уже вышел из кладбища, и его силуэт исчез. Линь И, прислонившись к надгробию, почувствовал, как глаза начинают слезиться от яркого солнца.

— Мама...

Тысячи слов застряли в горле, и он смог лишь выдохнуть это слово. Резко развернувшись, он опустился на колени перед надгробием, обняв его холодную поверхность, прижав лоб к нему. Линь И изо всех сил сдерживал рыдания, но в этом месте, где можно было выпустить всю боль, он разрыдался, как брошенный зверёныш.

С другой стороны, Линь Цзытао тоже горел от гнева. Он чрезвычайно дорожил своей репутацией, и из-за этого не терпел, когда ему перечили, всегда считая, что он контролирует жизнь других, особенно своей жены и детей. По сути, в глубине души он был неуверен в себе. Люди часто стремятся продемонстрировать то, чего им не хватает. И Синьнань была сильной, и в семье, и в делах он всегда был в подчинённом положении, поэтому он взял Лю Ваньцзюнь, которая во всём ему потакала. Теперь, когда Линь И поставил его в неловкое положение, а Лю Ваньцзюнь действовала за его спиной, Линь Цзытао кипел от злости, но, боясь, что его сфотографируют, вынужден был сдерживаться.

Лю Ваньцзюнь, дрожа, шла за ним. Линь Цзытао внешне выглядел прилично, но дома, когда что-то шло не так, он мог поднять на неё руку. Видя, что лицо Линь Цзытао становится всё мрачнее, она робко позвала:

— Тао-гэ...

— Хм! Вернёмся домой, я с тобой разберусь! А сейчас заткнись и сиди спокойно!

Выйдя далеко за пределы кладбища, они увидели, что вокруг их заметного Lexus собралась толпа. Рядом была стройка, и рабочие, увидев разбитую машину, остановились посмотреть на это зрелище.